Джеф Агаев

Кукла на проволоке

Джеф Агаев

Кукла на проволоке

«Издательские решения»

Агаев Д.

Кукла на проволоке / Д. Агаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854549-8

Эта книга не о том, как надо жить или каким стоит быть, а скорее наоборот. Книга посвящена тому, как в большинстве случаев не нужно делать или поступать. Произведение не было написано специально. Это дневник, где изменены имена почти всех героев и участников событий и совершенно удалены границы между реальностью и снами. Добавлена лишь небольшая доля фантазии.

ISBN 978-5-44-854549-8

© Агаев Д.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие 6
Глава 1 7
Глава 2 10
Глава 3 13
Глава 4 16
Глава 5 18
Глава 6 21
Глава 7 23
Глава 8 26
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Кукла на проволоке

Джеф Агаев

© Джеф Агаев, 2017

ISBN 978-5-4485-4549-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Книга «Кукла на проволоке» была написана автором в возрасте 18—20 лет, в ней показан внутренний мир молодого человека, который часто недоступен пониманию взрослых людей. История необычна и написана в своеобразной форме. Невозможно порой поверить, что там описаны реальные факты из жизни молодого человека. Эмоциональные всплески в душевных переживаниях Севиюса, присутствуют практически в каждом эпизоде. Характер главного героя раскрывается через ряд жизненных обстоятельств, которые оказываются роковыми, поворотными в его судьбе. Произведение потрясает до глубины души.

Предисловие от автора

«Эта книга не о том, как надо жить или каким стоит быть, а скорее наоборот. Книга посвящена тому, как в большинстве случаев не нужно делать или поступать. Произведение не было написано специально. Это дневник, где изменены имена почти всех героев и участников событий и совершенно удалены границы между реальностью и снами. Добавлена лишь небольшая доля фантазии».

О нем.

Каждый прожитый день был по-своему интересен. Хотя начало его всегда предлагало одно и тоже, с одним лишь изменением, разным стечением обстоятельств и количеством людей, принимавших в этом стечении участие. Он имел нудных и порой жестоких врагов, близких друзей которых как полагается, было очень мало. И множество разных знакомых плохих и хороших. Все это называл он частицей его окружающего мира, но это все, порою перевоплощало его в Зомби. Зовут пить – он шел, зовут петь – он шел, просили просто прийти, он приходил, всегда появлялся с одним лишь желанием, просто быть. Да, но вот только исчезал он слишком просто, исчезал, как только о нем забывали, как только ему начиналось казаться, что он уже не нужен. Это дурное чувство ненужности.

Глава 1

Прошу всем встать, суд идет!

Судья появился внезапно, как раз там, где и должен восседать:

– Садитесь, – прозвучал голос судьи. Раздался чуть глуховатый грохот и все сели. По рядам пошел гул и шелест, который оборвал стук судейского молотка.

– Тише, тише, суд изучил дело и вынес приговор, который сейчас зачтется. – Судья замолк и замер, его глаза сделались большими, и он дико завопил:

– Но я не вижу! Я не вижу своего подсудимого! Опять бежал?

– Нет, нет, нет, нет, – в спокойном тембре проголосил зал, словно ритм слов отрицания, где-то поддерживал неслышимый звук метронома.

– Тогда я хочу видеть его, дайте же, покажите же мне его.

Зал медленно стал утихать после того, как две тени у весов гигантского размера, быстро подлетели к одной из ее чаш, которая заметно перевешивала другую и схватив содержимое, бросили к самому носу разгоряченного судьи. Судья подпрыгнул высоко в воздух и словно вратарь принял подачу. Подача представляла собой что-то похожее на кокон шелкопряда, но только очень крупного размера. Судья тяжело дышал и, поглаживая ладонью пойманный объект, тихо приговаривал:

– Вот он ты. На этот раз, никуда не денешься, – после чего он безразлично отбросил кокон в сторону, а тени быстро унесли его на место.

На второй чаше весов, более крупной, лежала книга почти такой же гигантской величины, как и весы. Она была засыпана временем и большим слоем пыли. Зал стал посвистывать и шептать:

– Обложкой к судье, обложкой же к судье, обложкаюуууу.

Хотя никто, ни народ, заполнивший этот зал до отказу своим присутствием, ни тени, мотавшиеся со стороны в сторону, ни сам судья не знали, какая сторона книги являлась обложкой, и уж тем более никто не знал, что в ней написано, и написано ли вообще в ней что-либо. Никто ничего не знал, но свято верил, что в ней что-то есть. Ну, такое!

Снова раздался хриплый, громкий голос судьи и зал умолк.

– Суд полагает, что за содеянное и очень весомое нарушение, которое зачитано, не будет.

Зал вдруг зааплодировал, заорал, загремел, засвистел:

– Не бууудет, не бууудет.

Судья, корча лицо от шума торжествующей толпы, забил молотком о стол, что постепенно привело к полной тишине. Чуть откашлявшись, он продолжил:

– Ну, а теперь приговор.

Чаша весов, с лежащим в ней подсудимым, стала медленно скрипеть и раскачиваться. Зал молчал и смотрел, чаша набирала ход и усиливала колебание. Скорлупа кокона, лежащая на этой чаше обесцветилась и приняла образ мокрой и прозрачной пелены, в которой как будто бы двигалось что-то, скорее кто-то живой.

Это был плод, еще не рожденный ребенок, но новорожденный уже скоро. Он бился в надежде разорвать эту пелену, и открывал рот, словно о чем-то кричал, что-то просил, на кого-то злился.

– И чего он хочет? – спросил судья у своего первого советчика, чья тень маячила недалеко от судейского стола:

– Видимо, беззвучный плач, – многозначительно ответила тень-советчик и отплыла в сторону, ожидая какой-нибудь реакции со стороны судьи, но ничего не произошло. Кроме того тени, исполнявшие роли писарей, застрочили своими большими гусиными перьями, бубня себе под нос:

– Без-зву-чный пла-а-ч.

Перья были отложены и судья, немного успокоившись, продолжил:

– Я вижу, я чувствую, как он трепещет. Поверьте, он заслуживает одной лишь жалости, он дрожит, но его трусливый страх беспомощен перед неизменным грядущим. Верьте мне и бойтесь меня, перед вами я, перед вами закон, а закон сильнее всего живого.

Весы раскачивались все сильнее и сильнее от такого рода беззвучного крика плоти.

– Читайте же, читайте приговор, – советовали тени, подплывающие все ближе и ближе к уже теряющемуся судье.

Зал волновался, напряженная обстановка усиливала свое влияние на людей и эти волнения постепенно переросли в дурную истерику. Весы тряслись, а зал монотонно орал одну и ту же фразу с неразборчивым началом и с совершенным отсутствием конца:

– Астоновиегастоновиегастоновиегасто…

Постепенно все переросло в сумасшествие и дерганье. Все о том же шепотом просили не на шутку беспокоящиеся тени:

– Читайте, читайте, – они подлетали к судье со всех сторон, кружились вокруг него и продолжали молить о зачтении приговора. Пленка, за которой находился младенец, стала потрескиваться и разрываться.

– Скорее, скорее, нужно, уже надо, – орали обезумевшие со страха тени.

– Астоновиегастоновиегастон…, – крик, стон, взрыв и вдруг ветер, все вокруг посыпалось, затрескалось, разорвалось и стало рушиться.

Из книги вылетали серые листы, которые тут же хватали самые преданные тени и вбивали обратно, уже забыв о понятии поочередности страниц.

– Что с законом, что происходит с законом? – дико кричал судья. Он задыхался от собственного пота, захлебывался в собственном соку, язык его полез изо рта, словно ядовитый змей с безумными глазами, он пополз страшной гадюкою к младенцу, зубы его превратились в тонкие и ярко сверкающие иглы. Длинные и белые волосы судьи выпрыгивали из головы и ползали по залу, словно слепые котята, то и дело наползая на кого-то и выползая из кого-то.

– Ты, заключен в себя! – на последнем дыхании промолвил умирающий судья. Весы рухнули, книга рассыпалась, и раздался громкий плач новорожденного ребенка.

– Аааааааааааааааааа…

Севиюс глубоко и быстро дышал. Открыл глаза, но не мог пошевелиться. Он не чувствовал ни рук, ни ног. Все онемело. Видимо, в течение какого-то времени, кровь не поступала в эти части тела. Воспользовавшись головою, он свалил руки с колен, и те повисли, шатаясь в разные стороны. От резкого прилива крови руки зудели, и через некоторое время состояние почти полного онемения стало проходить и даже получилось шевелить пальцами рук. Пришла очередь ног, резко выпрямив их, он закинул голову, закрыл глаза и скорчился от боли.

– Заключен в себя, заключен в себя, – маятником болталось в голове.

Через некоторое время общее состояние тела нормализовалось, и он провел рукой по лицу, открыл глаза и удивленно взглянув под себя:

– Телевизор?

И он уже давно не спрашивал себя как, хотя действительно для такого чистого и приятного утра это казалось чем-то бредовым, а если учесть приснившийся сон, то это было вполне нормальным, уснуть на телевизоре.

Севиюс спрыгнул с телевизора на пол, и чуть пошатнувшись ухватился за стол, затем резким поворотом вправо придвинул его к дивану, который эту ночь так и не принял в свои объятия хозяина. Это резкое и непонятное с первого взгляда движение, на самом деле легко объяснялось. В записке, лежавшей на столе, говорилось о том, что завтрак должен находиться на этом же столе, а рядом располагающаяся пустая тарелка намекала на то, что кто-то уже позавтракал. Но, так как в доме никого не было, кроме спящего человека на телевизоре и кота

валяющегося под столом, то нетрудно было догадаться, кто завтракал. Подозреваемый легко себя выдал. Он промочил свои лапы в разлитом кофе и, судя по отпечаткам на скатерти, направился ни как иначе, как со стола на диван, где лежала еще одна улика, издающая очень неприятный запах, рекламирующий весьма качественный пищеварительный процесс, происходящий в желудке уже не подозреваемого, а обвиняемого, имя которого Ток.

– Вот это я называю расслабухой, – катаясь по полу и растягиваясь из стороны в сторону, думал насытившийся двумя сосисками кот. Ему лень было открывать глаза, но открыть их все же пришлось.

– Доброе утро, Ток! – ласковым колокольчиком прозвучал в кошачьем полусне голос хозяина. В ответ Ток широко зевнул.

– Сегодняшнее утро у тебя, как никогда доброе, правда?

Хозяин продолжал ласково поглаживать свое домашнее животное по мягкой и гладкой шерстке. А домашнее животное в свою очередь постепенно стало понимать, о чем все-таки идет речь, и судя по всему, сразу же собралось куда-то уходить. Но уйти не удалось, вместо этого он почувствовал весьма неприятный толчок, странноватое, стремительное возвышение и наконец, ласковый ветерок, закончившийся ужасным, громким хлопком в голове.

– Это надо же такую скотину воспитать, а? – недовольно буркнул Севиюс, взглянув в сторону пролетевшего две комнаты кота.

– Ты меня понял? – добавил Севиюс.

– Жестокий тиран, – размышлял уже об этом всем умывающийся кот с таким видом, как будто ничего и не было. Ток решил отправиться на прогулку в соседский двор, к одной из самых симпатичных четырехпалых и пушистохвостых девчонок:

– Ну вот и оставайся один, наглый пур-пур. (в переводе с кошачьего «недостойный внимания») – этим он и закончил свою мысль. Недовольно муркая, что с кошачьего означало «жизнь дрянь», он вышел из дома вон.

Они давно уже привыкли друг к другу и поэтому никогда не держали в сердце зла и быстро забывали обиды.

Допив жутко черный и к тому же холодный чай и доев завтрак, Севиюс тяжело свалился на стул и решил принять первую на сегодняшний день дозу никотина, так называемую утреннюю. Странные сны, дурные мысли, выводили его и окружающих из себя. Листая страницы никем еще не читаной книги, он хмуро смотрел в нее и делил буквы в словах на гласные и согласные. Или это привычка, или просто так надо было, разделить все на двое, на нужное и не нужное. Но к сожалению, как он только не старался, одно без другого не имело смысла, не связывалось, никак не укладывалось в голове. Занимаясь этим почти бездельем, Севиюсу вдруг захотелось куда-нибудь уйти. Давление стен, растущее с немыслимой скоростью, ударило в голову, заставив его вскочить и сейчас же начать собираться к очередному выходу на люди.

Глава 2

Вхожу в жизнь приятных людей,
Как входит ужас в детские сны,
Телефонный звонок, он идет к тебе.
К тебе надвигается чума.
Вот так мы и живем,
Молчим, когда смеются над нами,
Мы молчим, и будем молчать!

Все в этом мире является приходящим и уходящим для чего-то или к чему-то. Утро приходит к вечеру, а вечер, минуя странные ночные шутки, подходит к утру. И каждый шаг по мокрому асфальту, проделанный Севиюсом, обязательно подавал какие-то идеи на наступивший день, идеи которые нужно было еще и уловить. Громадное желание хоть как-то прочесть мысли серого асфальта, не приводило ни к чему. Невозможно! Все нужное и достойное текущего дня появлялось как-то само собой. Непоправимо незаметно.

Вопрос, ты что без настроения?
Без настроения простого шута.
Мне хочется собрать все звезды с неба,
Свет иногда достает.

Очередные попытки что-то понять, к ним он уже привык, но так и не научился не принимать их близко к сердцу. А сердце в свою очередь отвечало на это тем, что оставляло на себе большие и глубокие рубцы, которые были небезразличные лишь докторам.

Менялся его город, как сильно и быстро менялся он. Все уже давно подстроились под новую волну текущей жизни, но приемник Севиюса не хотел отрываться от своей старой, такой близкой и родной волны. Порой теряя ее, он долго искал, вдруг находил и тут же возвращался к своему прежнему состоянию. Оно ему нравилось, хотя и не всегда хватало того, что она была ему просто нужна.

Болтаясь часами по пустым улицам и игнорируя грязь и слякоть, он вдруг находил себя сидящим в парке, окруженным желтыми и мокрыми листьями. Деревья величественно кланялись своими верхушками. Игра ветра, все та же игра, такая же холодная, такая же невидимая, невесть откуда бравшаяся, такая же, как и он сам.

Ломая спички в руках и считая сигареты в пачке, он молча искал рифмы всему тому, что приходило в голову, играл словами и улыбался от удовольствия на тему вышедших наиболее интересных предложений и даже четверостиший.

Хоть и носил с собой ручку и исписанный блокнот, он всегда знал, что записать мысль очень сложно, но самое важное должно записываться всегда вовремя, ведь все сочиненное исчезает так же быстро как появляется.

Иногда Севиюс вспоминал, обязательно приходящих или под самое утро, или под самой луной.

Кто? Звезды? Почему его? Зачем тянут? Позже из Севиюса извлекались стон, переходящий в хрип, а затем и в крик, который безжалостно отбирал большое количество жизненной энергии, такое, что не оставалось сил стоять на ногах, и он падал, обхватив голову руками. Падал, как будто бы навсегда.

Сколько это продолжалось Севиюс уже не знал, сколько будет продолжаться, ему уже было безразлично, только потому, что на эти вопросы он находил один ответ:

– Я не знаю.

То, чем он занимался, чему он отдавал большое количество времени, было для него единственным спасательным кругом, единственно возможным вариантом выплеска ночных эмоций и сонных дневных мыслей.

Звук струн гитары, укладывал и держал в голове определенный порядок. Стихи и песни, написанные им, четверть которых никому не спеты, четверть даже не заучены и еще четверть, просто не имела никакого смысла и рано или поздно предавалось огню. А остальное все на кассетах. Слушал он свой голос на пленке крайне редко, хотя когда приходилось или просто хотелось, то могло продолжаться очень долго. Уже был готов материал для очередного мира, который тоже будет уложен в кассету, и задвинут в шкаф. А позже просто куда-нибудь деться или кому-нибудь отдан, что происходило чаще всего. Привычное отсутствие денег не позволяло постоянного приобретения пустых кассет для себя. Хотя вполне возможно, что дело совсем не в деньгах, а в ненадобности, просто не хочется.

Все, все знали, молчали, шептались, кричали о странностях его мировоззрения, а что было еще хуже, так это смех, это было больше всего обидней и являлось самой крупной причиной опускать руки. Правда ненадолго, а до первого сумасшедшего давления какой-нибудь, пусть даже не ясной, туманной, скрытой от него самого и уж тем более от других, очень нужной молчаливой любви. Он уже не хотел выделяться в толпе, это уже не нравилось ему, но его странность, что означало оригинальность, не просто выделяла его, а выбивала даже из собственной колеи. И если говорить о последствиях, то они всегда были разными.

И никто из окружающих будь то свой, или чужой не могли понять, просто не хотели верить своим догадкам, что он – это образ жизни, который не стоит перенимать. Мышление, так же сам способ этого мышления, желания, восприятие окружающего мира, как живого, так и не живого, вопросы, которые ему приходилось задавать только самому себе, все это могло принадлежать только ему одному, потому что на любой из его вопросов они отвечали бы просто:

– Ненормальный.

Трудно сказать, что вся эта история имеет особый высоко-философский смысл, нет, ничего подобного, просто она носит довольно-таки приятное и очень ценное название для всего живого. Историю зовут жизнь, а жизнь, поверьте, очень поучительная штука.

Сам герой истории считает, что для него этого слова не существует в виде чего-то прекрасного. И пытается всем это доказать, не задавая себе вопроса:

– Ради чего?

Так считал Севиюс, хотя на самом деле, не всё так плохо как кажется. Именно кажется плохим, потому что всё поучительное почти всегда должно быть именно плохим. Все просто, чем жестче и требовательней учитель, тем умнее и обиженнее ученик. Но умение понять правильность происходящего, имеет такую способность, как приходить и такой отрицательный момент, как не всегда. А теперь давайте вернемся к нашему герою и продолжим нашу историю.

Он и не заметил, как в парке стало темно, и как над его головою появились первые небесные светила. Сквозь сети больших и серых деревьев, мирно и медленно качающихся от ветра, изредка появлялся свет автомобильных фар, который пробегался по всему древесному приюту, подчеркивая его небольшие размеры. Глядя на все это, Севиюс погрузился в раздумья:

– Какая-то древесная тюрьма. Как глупо однако всё это выглядит, как всё это напоминает жизнь. Мы никогда не знаем, что делаем и чаще всего даже не догадываемся о существовании друг друга или скорее просто не замечаем. Зато кто-то другой, кто-то извне, может все ясно за тебя сказать. Эти чертовы люди со стороны, могут точно определить твое имя, в прошедшем или в происходящем промежутке времени. Они внимательно посмотрят, покрутят, оце-

нят со всех сторон, а потом так и оставят тебя в неопределённой форме глагола. Ведь глупо, деревья, которые не способны передвигаться задвинуты за забор. Идиотская машина, которая светом своих фар за считанные секунды удостоверилась в правильном наличии этих древесных заключенных, после чего, удовлетворившись верным потоком текущей жизни, умчалась восвояси. Вот и думай как порой ошибочны догадки незнающего человека. А если этот незнающий человек ещё и способен освободить их из заключения то, как они губительны. А вдруг окажется, что этот человек способен ещё и мстить, то как же он зависим от самого себя. Да именно так, от самого себя и своих амбиций. Ладно, ну его к черту этого человека. Тьфу…

Он выплюнул сигарету, встал со скамейки и отряхнулся. Немного потоптавшись на месте, Севиюс медленными шагами направился в сторону прокуренных баров. Туда, где играет музыка шумных диско-клубов и светящих неоновым светом ресторанов. Хотя все эти места отдыха и развлечений могли бы стать его привычкой, если бы у него были деньги. Поэтому из-за обычного отсутствия денег, мимо всего этого, он всего лишь проходил, высокомерно вглядываясь в своё отражение в стеклянных стенах злачных заведений.

Его последней целью на нынешний день было недорогое, маленькое и мало кому известное кафе. Кофе там недорогое, и на бутылочку пива денег тоже хватало, а трёх оставшихся сигарет в пачке, было вполне достаточно для того, чтобы проводить уходящий день, а позже и самому уйти прочь.

Через пятнадцать минут он уже сидел в кафе за столиком, потягивая горячий кофе. Ему это нравилось, это время было настолько приятно, что порой казалось без этого жить просто нельзя. Все это хорошо, если бы не обратная сторона монеты. Именно здесь и заставали его воспоминания. Просто вспоминал последнюю четверть года, которая принесла слишком много всего, сделав его холодным и порой до отвратительности жестоким с самим собой, не говоря уже о других.

Именно это и заставляло его бежать от всех и на очень долгое время (как он думал, чтобы не мешать им быть, чтобы не мешали ему жить). Он уже не искал виноватых, он решил, что их просто нет, не было и никогда больше не будет, и назвал это все просто: «Вот так».

Глава 3

Все началось раньше, чем с февраля месяца прошлого года, в глубоком реанимированном прошлом, но задело его просто позже.

– Алло, привет, как ты? – почти шепотом сказал он ей.

– Я уезжаю, – дрожащим голосом ответила она и тихо заплакала.

Он опустил глаза, и по его щеке медленно покатилась слеза. Севиюс пытался найти в себе слова утешения, то ли для нее, то ли для себя. Он почувствовал страх только тогда, когда стал понимать, кого он теряет и кто она для него. Осознание явилось стартом для потока мыслей, быстрого потока беспомощных мыслей, за которыми последовало желания остановить начавшийся кошмар.

– Я сейчас приду, – монотонно сказал он и положил трубку.

Выскочив в коридор, Севиюс накинул на себя плащ, небрежно обмотал горло шарфом и быстро обувшись побежал, уже не понимая никого, не замечая ничего. Выбежал из дома своего друга, выбежал никому ничего не сказав, бежал из дома, где собрались ребята, чтобы создать новое сердце для каждого, чтобы создавать музыку. Но сейчас музыка оказалась на втором плане. Он был уверен, что друзья поймут, а если надо, то и простят. Друзья все-таки.

Она жила не очень далеко и через десять минут он уже был у ее дома, вбежал в подъезд и вихрем поднялся на третий этаж, тут и застыл, перед ее дверью.

Криком в голове пролетало:

– Не уходи. Может так надо? Не уходи, наверное, так надо ей, и мне наверное тоже, наверное, но я же люблю! – Все это вертелось, суетилось, болело. Севиюс нажал на кнопку дверного звонка, дверь отворилась, она стояла за дверью, опустив голову и пряча заплаканные глаза. Она ничего не сказала, она ушла в комнату.

Стоя на пороге и забыв о Боге,
Помня только то, что хочется кричать,
Зная только то, что хочется метаться.
Но нужно ли? Поможет ли?

Повесив плащ, он присел для того, чтобы разуться и не заметил, как она подошла к нему. Севиюс взглянул на нее, и его ударила молния заплаканных голубых глаз. Глаза, которые он запомнит на всю жизнь, глаза которые просили: «Успокойся же». Глаза, уже жалевшие о содеянном, глаза, которым он нужен был, как никто другой.

Севиюс медленно выпрямился и крепко обнял ее. Не нужно было ничего говорить, она понимала все, словно читала мысли. Они вошли в комнату, он сел на диван, взялся руками за голову и взглядом уткнулся в пол, а она тихонечко присела рядом. Севиюс даже и не представлял, насколько дорого ему обойдется это рядом.

– Мама звонила, – заговорила она.

– Меня на курсы устроили, первого марта экзамен и через три дня я уезжаю.

Севиюс молчал и все так же не поднимал глаз.

– Но ты же знал, что это случится, – еще тише сказала она и нежно взяла его за руку.

– Три дня, всего три дня, – бормотал он, не подозревая того, что это на самом деле так много.

Три дня станут для него целой жизнью, и по истечению этих дней все будет по-другому. Как нежно она держала его за руку, он смотрел на нее, и все его существо говорило о страхе перед надвигающейся и неминуемой потерей. И не знал он была ли такая любовь в ее жизни,

но знал точно, что в своей жизни никогда ничего подобного не испытывал и не будет больше такого, не будет, будет…

– Будет! – крикнул он, ударив кулаком об стол, переживая все так же, как и тогда.

Кафе было пустым, не считая засыпавшего бармена, который дернулся от грохота, и видимо посчитав, что грохот ему показался, снова задремал. Опять тишина, не считая тихий говор включенного телевизора, из-за которого при перемене кадров становилось то темнее, то светлее. Вынул очередную сигарету и закурил. Странное напряжение в теле, сигареты обычно транквилизируют состояние, но снова странность, они подействовали наоборот, сильно закружилась голова, на лбу выступили капельки пота. Сигарета дышала во рту. Севиюс схватился обеими руками за стол и уставился широко открытыми, выпученными глазами в отражение экрана телевизора на пивной бутылке.

Так появился вопрос «Что это?». А вот что: ночь, снег, сладкий и холодный февраль, именно за те дни и ночи Севиюс готов отдать все, что у него есть, все то, чем он больше всего дорожит. Нужно учесть то, что только он мог дорожить этим, имя которому «ничего», а по – поводу не сделаешь, узнаем позже.

Нет ничего в телевизоре кроме помех, уже почти год ничего в телевизоре нет, кроме помех, гниющих мозгов и белых пятен с черной тенью.

– Какой сегодня день? – спрашивал он себя. – Какое сегодня число? День, число, ночь, день, ночь, число, год, сон, бред. Стоп.

– Тише, тише, – хрипел он в свой адрес. – Услышат, не поймут, хотя кто слушать-то будет, кому это надо, никто не примет меня всерьез. Интересно знать чье лицо не станет покрывать маска жалости, которая так опротивела мне, заставила все-таки добилась своего, натянула на лицо маску ненависти. Да, осталась только она, один на один, ненависть к ним, туда, для тех, кто врал, пусть нехотя, но врал, даже если для того, чтобы сделать мне лучше. Так спасибо же, мне стало лучше. Я знаю все, просто я никого не виню, просто знаю и все. Так вышло, так получилось, никто чтобы судить, никто чтобы винить, но ненавидеть, ненавидеть мне можно, это единственное на что я теперь способен. Помню, мне даже говорили: «Оставь, прости всех кого можно еще простить, прости им себя, Бог рассудит». А у меня нет середины, что делать теперь с этим, нет у меня этого золота в кармане, я или плюс или минус. Раз Бог рассудит, так пусть делает это скорее, а то впечатление у меня создается, что он только рассуждать и умеет, с нами невесть что, и невесть как, а он все рассуждает. Да, рад одному, еще недолго и зачем не понимаю вообще, каяться в грехах, если Бог все равно простит. За покаянием далеко не ходят, храм он же рождается и живет с тобою вместе, он же в тебе самом. Жаль, что Бог способен только прощать, жаль, что не выслушивает на прощанье. Видимо заслужено это уродство по всем параметрам, видимо кто-то что-то не додумал, кто-то что-то не дописал.

С этими мыслями, он бросил в чашку кофе тлеющую сигарету и злостно проговорил:

– Это твое, пей и пей молча, еще дышащая тварь.

Так, прикусив зубами чашку, он залил в себя горячее кофе крупными обжигающими глотками и свалился на стол, скрестив на нем руки, теперь он вне сознания.

– Прости его, – взмолился «ангел хранитель за его спиной с побитым лицом, на котором застыла пелена крови. Ангел бережно укрыл его своими белыми, чистыми, крыльями. Ангел истекал болью, глаза его были чисты, в этой чистоте таилась обида, а обида сверлила небо: «Пусть ждет, пусть мыслит, пусть ищет, пусть спит».

– Я уснул, извини. Почему же ты меня не разбудила?

Севиюс взглянул на нее спросонья и сейчас же умолк. Она сидела на кресле и смотрела на него так, как будто все было в последний раз, так как будто бы прощалась. Грустные, большие, чистые, голубые глаза, светлые волосы с темно-оранжевым оттенком и легкая, но все же заметная на отекшем от слез лице, улыбка. Они смотрели друг на друга, пока он не сдержал этого давления и не опустил голову, задав как всегда все тот же вопрос, почти шепотом.

– Почему ты так смотришь на меня? Ты ведь знаешь, что я не люблю, когда на меня долго смотрят.

От детской наивности этих слов по ее щекам потекли слезы, и она так же тихо ответила, кусая свои нежные алые губы:

– Просто, хочу тебя запомнить, мой сладкий, мой милый мальчик, мальчик, мальчик…

Слово помчалось в голове так громко, что Севиюса отбросило в сторону. Ангел забил крыльями и протянул к нему руки, бармен так и не возвращался из своих снов, телевизор как будто бы орал и кашлял от срыва горла, перелистывая с огромной скоростью кадры на экране.

Страшно кружилась голова, движения казались очень медленными, хотя все это было не так, на пол грохнулась и разбилась пустая бутылка, не устоявшая на столе лишь по одной причине. Он взлетел метра на три в сторону и ударившись о стену, повалил стулья и еще что-то валявшееся на соседних столах. То, что в эти минуты творилось с ним, творилось теперь и вокруг него, в этом быть может и выражалась месть, приносящая боль только ему самому. То, до чего никому не было дела. То, что приходилось чувствовать только ему и то, что можно назвать по-разному, но лучше всего не называть никак, хотя бы потому, что ни у кого нет права на это, никто не в праве осуждать. Все и так было предельно ясно, но делалось как-то беспредельно больно.

Выбежав из кафе и шатаясь в разные стороны, спотыкаясь об самого себя, вот такой вот растрепанный с диким криком души и слезящимися глазами, мчался болеющий нами мальчик, которого ангелы научили сверлить небо одним лишь взглядом.

Он мотал головой по небесным углам в поисках луны, ушедшей не вовремя за облака.

– Ты гдеееееееееееееееееее? – кричал он в красное небо, захлебываясь и кашляя от бегущих вместе с ним слез. Ветер, лишь он стирал эти слезы с лица, ласково трепал волосы в надежде хоть как-то помочь, хоть как-то успокоить. Это был блеск глаз зверя, не желающего уходить в угол, которому было еще не все равно, который всегда побеждал, но никогда не мог понять вкуса победы. В итоге с ним никого и ничего, кроме пьяных домов с огнем горящими окнами.

– Я здесь… я один и я люблюуууууууууу…

Глава 4

Тихий стук часов. На улице было уже светло. Шторы раздвинуты. Севиюс лежал в кровати, не желая открывать глаза. Все, думал он, сон закончен и то, что произошло с ним вчера, его уже никак не беспокоило, скорее он этого старался не вспоминать, потому что всегда боялся откровенничать с самим собой. Теперь он снова в своей повседневной маске, он снова будет обманывать самого себе.

– Давно не было такого спокойствия, – сказал Севиюс и стал растягиваться в кровати. Приятный новый прилив энергии, каждый раз приносил ему такую динамику, которую казалось и смерть не остановит. Вскочив с постели, Севиюс побежал в ванную, открыл кран, и вода хлынула в ведро, стоящее под краном. Как ребенок Севиюс играл с водой и даже не заметил, как она стала переливаться за края ведра. Вспомогательным движением туловища вниз, голова Севиюса канула в набранное в ведро море. Находясь головою под водою, он открыл глаза и задумался:

– Интересно, сколько капель воды в одной этой большой капле, хотя все зависит наверное от размеров капающей. Если бы вода капнула из ведра, то капля была бы одна и большая, получается, что из крана натекло капель много и все они такие маленькие. А называется это все «дебилизм».

Он бы забыл о том, что человек не земноводное создание, если бы не почувствовал, что промокло все, даже мозг. Эта мысль его рассмешила, и изо рта полезли крупные пузыри подводного смеха. Он высунул голову из ведра и стоя над ванной, предварительно как следует надышавшись воздухом, стал трясти головой в разные стороны. Выпрямившись, он обернулся к зеркалу, в котором минуту назад можно было заметить только затылок чуть не утонувшего в ведре молодого человека. Львиная прическа, растрепанные волосы, большая челка, из-за которой блестели карие глаза, чистое, как будто девичье лицо, все это иногда выводило его из себя, иными словами не всегда нравилось. Но он понимал, что такой вид присущ только ему одному, и надо любить себя таким хищником.

Продемонстрировав длину своего языка своему отражению в зеркале, схватив зубами с полки зубную щетку, он бросил ее в ванную, выжав почти весь тюбик пасты себе на язык и заключив пасту за зубы, он стал рычать. Рычал он внутренним голосом, видимо и у того тоже было хорошее настроение или оно радовалось просто тому, как ведет себя внешняя сторона создания, то есть одно с другим откликалось и вошло в состояние утренней, веселой гармонии жизни. Рот превращался в лед.

– В дело пошла моя щетка, – крикнул он, разбрызгав пену вокруг себя и несколькими каплями задев Тока, валяющегося задней частью тела в коридоре, а передней в ванной комнате, в общем, это называется на пороге. Ток лениво взглянул на хозяина, сонный видимо после бурной ночи, затем снова опустив голову и закрыв глаза, задумался:

– Очередной раз убеждаюсь, что исключительно небезопасно для окружающих сие творение, резвящееся на данный момент в ванной. Нам котам на этот счет проще, а у этого все, что для него естественно, то и безобразно.

Ток, так бы и уснул в своих размышлениях, если бы не пролетевшая над ним тень хозяина. Он тут же рванул за ним, громко мурлыкая на ходу и изображая из себя преданного и любящего питомца, который почти всегда хочет есть. Но к этому театрализованному представлению, устраиваемому Током чуть ли не каждое утро Севиюс уже привык. И поэтому для Севиюса его питомец по утрам являлся вечным бревном для спотыкания, причем самобросающимся под ноги.

Ток, конечно же преувеличивал свое желание поесть, когда описывал своими действиями всю желаемость этого естества, то есть ощущения голода. Навязчивость кота оказалась силь-

ней, и Ток получил пару половинок сосиски или одну в целом, он глотал эти кусочки, почти не разжевывая, и проклинал судьбу за столь низкое существование в этом доме. Мурлыкая и чавкая, Ток успокаивал себя своими размышлениями:

– Однажды выкину его вон, на ночь глядя из дому и не пущу больше его никогда, пусть себе скребется в двери в морозную ночь, глядишь поумнеет. Как видите не всегда все-таки жизнь дрянь, иногда она очень даже ничего.

– Слушай уже восемь, – испуганно сказал радиоприемник много лет уже сидевший на столе.

– Иду, уже ухожу, – откликнулся Севиюс, дожевывая бутерброд, он уже надевал одной рукой ботинок, а другой мешал сахар в чашке с чаем. Он поднял голову, чтобы взглянуть на часы, но те тут же отвернули свой циферблат, не желая портить настроение из-за какого-то опоздания.

– Именно это я и ценю в тебе, – многозначительно сказал Севиюс и проглотил крупный кусок так и не пережеванного бутерброда. Сморщившись от медленного перетекания бутерброда по пищеводу в желудок, он схватил стакан с горячим чаем, и поднес его к губам. Всего три крупных глотка и резкий жар в желудке заставил его подбежать к крану открыть воду и впиться в нее с целью остудить кипяточек. Выдохнув пар изо рта и споткнувшись на пороге, Севиюс наконец, вырвался из дома.

Глава 5

Понедельник.

Направляясь в учебное заведение с названием Художественное училище, он как обычно уходил в себя, размышлял. Мысли появлялись в основном на почве проходящих мимо людей, и каких-нибудь мелких изменениях в пейзаже города.

Да, он был еще и художником, который себя таковым не считал целых девять лет. Он уже не любил рисовать, и это занятие вырисовалось в нем совершенно случайно. С самого детства, не имея определенного рода занятий, он наткнулся на коробку карандашей и чистый листок бумаги, так жизнь ребенка обрела хоть какой-то интерес, – он стал рисовать. Он рисовал все, что видел и что придумывал, в основном второе. Позже, его взрослое окружение, взглянув на удачно нарисованный кораблик, решили – он художник и отправили учиться в художественную школу. Но никто не учел элементарного, что рисовать ему нравилось только то, что он хотел. А его желания уж очень не совпадали с учебными планами учителей и поэтому, его работы принимали за хулиганство. Из-за его срывов с плана обучения, учителя срывались на его родителях, а родители на нем, травмируя при этом его естественное восприятие окружающего мира. Ничто ему не помогало так хорошо как самоизоляция от внешнего потока движения, и одиночество стало его привычкой, позже перешло в постоянство.

В одиночестве, помимо каких-то зарисовок, рождались его собственные правила бытия, рождалась жесткость его мнения, испортившая в итоге немало крови окружающим. Но на данный момент он и не пытался мутить кровь ни себе, ни людям. Вяло водил карандашом по белому листу, порою забывая о существовании старой, истрепанной, полуобнаженной и уже засыпающей натуры, с которой класс писал портрет. Вся группа Севиюса, это семь человек, прибывавшие сейчас в привычном для каждого учебного утра сонном состоянии. Работа шла вяло.

Он стал вспоминать о том, как вчера ночью встретил в темном ночном переулке маленького пса, бежавшего следом за Севиюсом, наверное собака не знала куда идти. Он остановился и подумал:

– А не забрать бы его с собой, сколотить будочку и пусть нафиг живет во дворике.

Пес тоже остановился и своими грустными глазами уставился на думающего о перспективах собаки Севиюса.

– Нет, эту собаку нельзя привязывать, может в том и заключается весь смысл жизни этой собачки, она не знает куда идти, но все равно, куда-то приходит. А ведь это же интересно, очередная бесконечная тема для размышлений. А собака плюнула на все, развернулась, и чуть пошатываясь побежала по улице, исчезнув в навалившемся на город тумане.

– Наверное, это и есть судьба, – думал Севиюс, закуривая сигарету и продолжив свой путь, добавил:

– Судьба, вот только собачья какая-то.

Было уже почти половина двенадцатого, Севиюс открыл глаза и половина двенадцатого ночи вернулась к половине двенадцатого утра. Работа с натуры была закончена и он уже шел по длинному светлому коридору, а вокруг бегали учащиеся с этюдниками, красками и бумагой, свернутой в трубу. Дойдя до двери выходящей на улицу, Севиюс толканул ее ногой, и ветер с улицы набросился на волосы для того, чтобы снова их потрепать. Теперь Севиюсу нужно было переместиться из одного корпуса в другой, который находился примерно в трех четырех кварталах от первого корпуса: «Ну пошли, главное курить есть».

Искусственная история

– Напомните мне тему, которую мы изучали на прошлом уроке, и давайте повторяйте, буду спрашивать.

Учительница по истории искусств, женщина лет сорока восьми, небольшого роста с челюстью, как шутит сам Севиюс, уходящей в перспективу, то есть подбородок плавно переходил в горло, стрижка – полуседое каре, на кончике носа большие очки, глаза черные, вечно бегающие и умные, а звали эту женщину Александра Анатольевна, коротко АА.

Обычно урок Истории проходил параллельно еще с одним курсом, и на этом курсе основная половина была женской.

– Так девочки, по-моему на прошлом уроке мы говорили о Римской империи и о видах изобразительного искусства в Риме.

– Кто мне скажет, как относились к живописи древние Римляне? – шутя и улыбаясь спросила учительница. Девочки молчали и зубрили тему, прикрывшись книгами.

– Так ясно, а что наши мальчики думают об этом?

Мальчики ничего не думали об этом.

– Бараны, – резко переменила настроение АА.

Севиюс сидел прямо перед АА. Именно поэтому очень часто недобрый взгляд АА, как снег на голову валился на равнодушно листающего свою тетрадь Севиюса.

– В первый раз ты видишь эту тетрадь, да Севиюс?

– Да вроде нет, – прохрипел Севиюс, – где-то здесь был Рим.

– Где у тебя Рим был? На прошлом уроке тебя самого не было. Рим у него был, – проворчала АА.

– Да? А где я был? – спросил Севиюс.

Все засмеялись.

– Это у тебя надо спросить, где ты был.

Севиюс ничего не ответил.

– Опять ты мне умничаешь? Так хорошо, вот ты нам и начнешь рассказывать об изобразительном искусстве древнего Рима, вставай.

Севиюс громко кашлянул и поднялся, продолжая листать тетрадь.

– А тетрадь свою закрой, там все равно ничего умного нет, – придралась АА. Все снова засмеялись, и Севиюс решил все-таки ответить на заданный вопрос:

– Виды в изобразительном искусстве?

Все тихо хихикали в ожидании продолжении спектакля.

– Любой новый вид формируется в недрах существующего путем эволюционных изменений и обретения таким способом новых качественных характеристик…

– Так, – перебила учительница, – опять начинается, не морочь мне голову, каких это качественных характеристик? – прокричала АА, в принципе, уже привыкшая к красноречивому издевательству Севиюса.

– Тех, которые способствуют приспособлению к условиям среды обитания художников, – продолжил Севиюс, – и непосредственной причиной таких изменений в области изобразительного искусства являются сами художники и, естественно, их мышление. Это почти как мутагены в живом организме, которые вполне способны изменить наследственные свойства энного организма.

– Все, достаточно, если не перестанешь нести эту чушь, сейчас же вылетишь из класса, умник, – проорала учительница.

– Ну, я же рассказываю про…

– Про что? Про что ты мне рассказываешь? Про мутацию? Про что еще? Или рассказывай нам про Рим или садись.

– Про Рим, – задумчиво продолжил сквозь хохот учащихся Севиюс. – Что касается Рима, то по этому поводу остается только осуществить прощупывание заданного места для уточнения факта присутствия…

– Все, хватит, ну тебя к черту, ты у меня в мае не сдашь экзамен. Слышишь, да? Я не шучу.

Севиюс молчал и смотрел в окно. Он всегда так делал, когда ему становилось что-либо неинтересным. АА успокоилась, взяла со стола книгу открыла ее и показав пальцем на работу какого-то художника, напечатанную в этой книге, спросила:

– В каком стиле выполнена эта работа?

Севиюс нахмурил брови, пытаясь рассмотреть, что вообще там нарисовано. А когда рассмотрел, то громко рассмеялся, заразив своим смехом и весь класс.

– Только не нужно мне говорить, что это Абстрактный реализм, как ты это сказал в прошлом семестре на зачете. Я надеюсь после того случая, ты все-таки понял, что Абстрактного реализма не существует. Давай быстрее, какой это стиль, что тут изображено?

– Вы правы, это далеко не Абстрактный реализм, скорее это Реальный идиотизм.

Взрыв хохота в классе и редкие аплодисменты.

– Тихо, тихо я сказала. – Класс более или менее успокоился и после некоторой паузы, за время которой учительница пыталась сдержать слезы обиды, она продолжила:

– Ты что, издеваешься надо мной? Ты опять мне урок срываешь?

– Я не хотел вас обижать, просто мне не понятно, что делает на руках у этой женщины теленок?

Очередной взрыв хохота учащихся.

– Вон из класса! – истерично прокричала учительница. Севиюс медленно поднялся с места и поплелся к дверям.

– Постой, – остановила она его. Затем, немного успокоившись, продолжила:

– Я вот, ведь я тоже понять не могу, за что? За что ты так озлобился на мир, за что ты его так ненавидишь, почему ты не любишь людей, и что с тобой вообще происходит? А ведь ты на самом деле совсем не такой, каким пытаешься себя показать, зачем ты прячешь свои хорошие качества, почему ты их так боишься, почему ты ведешь себя как…

Севиюс, слушал, молчал, смотрел в окно, затем, так и не выслушав до конца, вышел вон. Смешно уже никому не было. АА молчала и протирала платком все-таки прослезившиеся глаза, аккуратно надела свои очки и негромко продолжила:

– Ну, кто же мне все-таки скажет, как называется эта работа?

– Можно я? – раздался голос ученицы.

– Да, да, пожалуйста, Оленька.

– На этой картине изображена Святая Лицисия с младенцем на руках.

– Верно, это Святая Лицисия и в руках у нее младенец, – учительница сделала паузу и совсем неслышно, шепотом добавила:

– А не теленок.

Глава 6

Дорога к дому была пройдена незаметно для него и не важно для окружающих. Севиюс старался ни о чем не думать, его грызла совесть. Тока не было дома, взяв с полки какую-то книгу, он свалился на диван, чтобы почитать. Прочитав двадцать страниц, он захлопнул ее и бросил на стол. Не узнав ничего нового, он решил подумать куда бы уйти, куда бы себя деть. Но диван это не место для таких раздумий, помочь могла только дорога. Севиюсу обычно мысль о том куда идти, приходила уже по ходу шагов. Но перед самым выходом вдруг раздался телефонный звонок. Он поднял трубку, в которой заговорил тихий женский голос.

– Алло.

– Да, – ответил он.

– Я нашла тебе флакончик с запахом.

– Хорошо спасибо, я зайду.

Севиюс положил трубку не попрощавшись. Она уже давно его раздражала. Выскочив из подъезда и пройдя по двору, он пошел по дороге, чуть не забыв о движении машин на проезжей части улиц. То и дело пересекал какие-то дворы, проскакивал по закоулкам, он становился все ближе и ближе к появившейся цели. Вскоре он был уже на месте и тихонько стучал в дверь. Открыла женщина с ребенком на руках.

– Здравствуй, – сказал Севиюс.

– Привет, входи, – ответила она.

– Я ненадолго, – войдя в дом и встав на пороге, ответил он.

– А где Олег? – снова заговорил Севиюс.

– В студии, – отвечала женщина с ребенком, исчезнув в дверях соседней комнаты.

Наступила тишина. Он стоял на пороге, опершись спиной о стену. Через минуту она вышла из комнаты и протянула ему флакончик.

– Он пустой, – улыбнувшись, сказала она. Севиюс взял флакон, сунул его в широкий карман плаща, холодно попрощался и удалился. Женщина с ребенком так и осталась стоять в коридоре. Улыбаясь и слушая быстро удаляющиеся шаги, доносившиеся из глубины подъезда, она тяжело вздохнула и грустно сказала:

– Дикий мальчишка.

День близился к вечеру. Распахнулась настежь дверь в кафе, подойдя к бармену и выложив оставшиеся деньги на стойку бара, он хриплым голосом востребовал бутылку вина.

Взяв стакан и вино, он направился к самому крайнему столику, который давно уже назывался Свой. Уселся так, что посторонним сидевшим в этом кафе показалось, что он просто отвернулся от всего живого. Загородив спиною стол от любопытных глаз.

Как не странно, но в тот день народу было больше, чем обычно. Открыв бутылку, он наполнил стакан вином и тут же его выпил. Выдохнув, он снова сделал то же самое, и так несколько раз, пока бутылка не стала полупустой. Откинувшись на спинку стула, он закурил. Вместе с легким и приятным головокружением он испытывал еще и страх, страх перед надвигающимся. Наконец докурив сигарету, он полез в карман плаща, чтобы вспомнить ее. Достав флакон из кармана, он вдохнул его в себя, и флакон ушел в него.

Теперь все в нем, теперь он в прошлом. Все тут же поплыло и из всего плывущего, словно из какого-то тумана, вдруг появилось то любящее лицо, которое он потерял когда-то. Она улыбалась ему, что-то говорила, он не слышал ее, но все это теребило душу. Она с любовью смотрела ему в глаза. И тело его перестало быть. В ее руках сверкал огонь, и она прикоснулась так ласково и нежно своими горящими, но холодными пальцами к его лицу. И тогда его лицо стало медленно плавиться. Вот исчезли глаза, и он ослеп душою, исчез нос и его душа никогда ничего теперь не ощутит, исчез рот, и душа перестанет говорить, он лишился разума. Все про-

пало, осталось только то, что жило в нем. Человек без головы встал и быстро, но пошатываясь, направился к дверям. Ему вдруг стало казаться, что все его тело слито из каучука. «Почему каучук?», думал он находясь уже на улице. Он даже засмеялся и блевотина вылетела изо рта ручьем упав в арык, до которого он успел допрыгнуть. Он уже знал, что головы не имеет, осталась лишь привычка ее существования.

На улице в арык нагло блевала торчащая из-под воротника шея. Что-то дергалось в груди и шея болталась в разные стороны с силой, зависящей от залпов из нутра. Странность в том, что возможность осязать, обонять и видеть осталась нетронутой.

– Тогда чем, если головы больше нет?

Этот вопрос, спустя несколько секунд, уже перестал его волновать. Происходил грязный процесс существенного изменения в его сознании. Он пошел домой, останавливаясь ненадолго, чтобы как можно быстрее приблизить процесс к завершению и оставляя после себя желтые кипящие пятна на земле. Когда состояние обрело более скромный характер, он сунул руку в карман и достал сигарету. Попытка сунуть сигарету в рот почти не удалась. Она упала на болтавшуюся шею и тут же всосалась в нее фильтром, теперь требовала огня. Он зажег над шеей спичку и поднес к сигарете. Шея в свою очередь тут же завибрировала, она закуривала.

Хоть бы никто не заметил, хоть бы никого не встретить, думал человекоподобная каучуковая свеча. Дул тихий ветер, болталась из стороны в сторону курящая шея. Медленно уходил безголовый мальчик вглубь улиц.

Тихо приоткрылась дверь, в доме было темно. Он снял обувь, дополз до ванной комнаты и закрыл за собой дверь.

Глава 7

Две недели спустя.

Длинный и тихий коридор Художественного училища. Севиюс только что вышел из своего класса и направился во двор с банкой воды испачканной краской, для того, чтобы поменять грязную воду на чистую. В самом конце коридора была открыта нараспашку дверь в кабинет. В этом кабинете собирались обычно учителя и занимались болтологией. Увидев Севиюса, один из этих учителей позвал его:

– А ну-ка иди сюда.

Севиюс тихо и тяжело вздохнул, не спеша направился к открытым дверям в вонючую коридорную даль.

– И куда ты во время урока собрался? – зловредно спросил педагог.

Севиюс молчал.

– А что, во время перемены воду набрать нельзя было? – ругался, пялился злостно и педагогично заслуженный учитель, зато остальной педагогический коллектив громко смеялся.

Севиюс молчал.

– Ты что глухой? Отвечай, когда с тобой говорят! Я тебе не ровесник, чтобы ты так просто со мной ехидничал! Понял? И вообще знаешь, что ты из себя представляешь, знаешь, кем ты являешься? Ты ведь предатель искусства, самый настоящий предатель искусства!

Севиюс хотел рассмеяться, но сдержался и даже ничего не ответил. Он уставился в окно и ждал продолжения лекции, зачтение прав от имени эстетики на торжественно назначенную тему. Но продолжения не было, все кончилось очень быстро.

– Иди за своей водой, и больше, чтобы я во время урока тебя шатающимся в коридорах не видел.

Севиюс вышел из кабинета, тихо выругался и спустился вниз, где вместо того, чтобы набрать воду, он покурил, подумал о чем-то своем, поковырялся карандашом в земле и не вернулся на урок. Он выбросил банку и ушел домой. Хотелось оправдать возложенное на него столь высокое доверие, стать по-настоящему предателем искусства, все-таки не каждый удостаивается такой чести.

Вечерняя репетиция выбила всякую дрянь из головы. Ребята из его рок-группы давно не задавали никаких вопросов. Привыкли что молчит, споет и снова умолкнет.

Ночью Севиюс взялся рисовать композицию, которую он придумал еще по дороге домой, он назвал ее «горизонт». Нарисовал линию, разделившую планшет с натянутой бумагой на две части и с помощью графита в карандаше стал постепенно приближаться к ней. Полночи он к ней приближался и в итоге горизонт сгорел красным пламенем зари, и работа была засвечена. Севиюсу не понравился слишком приблизившийся горизонт, а отдалять его от себя было поздно, нужно было с этим что-то делать. Выход один, уничтожить, поставить точку, а утром конец цитаты, затем очередной раз начало нового произведения.

28 февраля

Все как обычно, почти без изменений

– Опусти воротник куртки и зайди ко мне в кабинет, сколько можно тебе говорить, – строго сказала проходящая мимо Завуч.

Севиюс поплелся следом.

Завуч открыла дверь к себе в кабинет, и они вошли. Севиюс стоял у дверей, а завуч принялась растаскивать по углам занавески.

– Я же тебе сказала, опусти воротник, – даже не взглянув на Севиюса, строго сказала завуч, заранее зная, что в первый раз он все равно не послушается.

Севиюс хоть и нехотя, но сделал то, о чем его просили.

– Вот так. Мне вчера сказали, что ты опять сидишь на подоконниках, задрав ноги и делаешь вид, будто никого не слышишь. Так дело не пойдет, я буду бороться с твоим нахальством. Ты уже взрослый парень, а ведешь себя как ребенок. Я, конечно понимаю, музыка, шнурок на шее, стиль, мода, я и сама бы ходила, как ты называешь это «по – приколу». Но я сознательная женщина и прекрасно понимаю то, что так нельзя и я должна быть примером для остальных. Я ведь должна обучать вас культуре.

Севиюс очередной раз почувствовал себя Предателем искусства.

– Кстати, тебе предстоит еще говорить с директором. Что ты там ему в сочинении по психологии написал, это надо было до такого додуматься:

…Родители у меня Психоделики, а я Санздвиник…

– Сколько раз я тебе говорила, не подключай свою фантазию к серьезным вещам, тем более она у тебя очень и очень больная.

– Ну, серьезно, что за ерунду ты написал? – чуть улыбнувшись, сказала Завуч, немного поменяв тон на жалостливо-добрый. – На следующем уроке психологии тебе придется ему рассказывать о новых придуманных тобою направлениях психических расстройств.

Прозвенел звонок на урок.

– Ладно, иди на урок.

Севиюс вышел из кабинета.

– И давай мне заканчивай со своим умничинством, слышишь? Ни к чему хорошему это не приведет, – прокричала вслед завуч.

Уже давно никто не видел улыбки на лице Севиюса, он ни с кем, ни о чем не говорил, и даже не срывал уроков. Он летал где-то далеко от земли, и наяву жил словно во сне, это бросалось в глаза. Что с ним происходило, интересно было любому кто его знал, особенно особам женского пола. На уроках Севиюс что-то писал и черкал, а на переменах рвал бумагу на мелкие кусочки и разбрасывал по ветру. Много курил, стал часто выпивать, дрался и выкидывал необъяснимые номера. Его что-то мучило и мучило очень сильно. Однозначным было то, что сердце парня гибло, у него просто ехала крыша.

Слова в сочиненных им песнях можно было назвать курсом молодого мертвеца. Музыка стала жесткой. Картины еще темнее и непонятнее. Он перестал доверять родителям, друзья стали казаться врагами, незнакомым девушкам на попытки знакомства отвечал грубостью. Он отбросил людей от себя на довольно далекое расстояние и в итоге, когда ничего и никого уже не осталось, он возненавидел и себя самого.

Излишнее спокойствие Севиюса, легко порою обращалось в излишнюю вспыльчивость. Казалось бы, не уделяемое им внимание ко всему тому, что происходило вокруг него и чаще всего касавшееся его, являлось неотъемлемым фактом, фактом, не поддающимся изменениям. С уверенностью могу сказать, что это совершенно не так.

Реакция на все не нравившееся ему была всегда почти мгновенной, но прекрасно скрытой им в глубоких недрах его души. Но именно любовь, рожденная в его сердце, порок названный именем любимой девушки разоблачал всю его поэтическую силу. Это человек, видевший во всем и во всех – объекты, созданные только для того, чтобы воевать с ними, всегда быть против них. Окружающий мир стал его заклятым врагом. И покинуть его стало привычной для него мыслью, оставалось только дождаться момента, когда чаша его бесконечного терпения наполнится до краев. В итоге, придуманная им война постепенно теряла смысл и заставляла его переживать неприятные обстоятельства. Учителя принимали меры, которые для Севиюса никакой роли уже не играли. Завуч, которая вела уроки педагогики, однажды после урока попросила Севиюса остаться, побеседовать:

– Я догадываюсь, что с тобой происходит. Только давай на чистоту, я тебе обещаю, что весь разговор останется только между нами. Я хочу, чтобы ты мне доверился.

– Скажи мне честно, на чем ты сидишь?

– На стуле, – ответил Севиюс.

– Ладно, перестань, я все знаю! Лучше скажи правду, я помогу тебе, поверь, у меня есть хороший знакомый, он врач нарколог. Я поговорю с ним, он поможет…

В итоге она рассказала о себе и своих друзьях, знакомых, о своей жизни, но о нем так и ничего не узнала. Севиюс вышел из класса лишь тогда, когда почувствовал усталость. Завуч останавливать его не стала, видимо поняла, что переборщила, а вдруг он вовсе не наркоман.

В тот вечер, приятный, но холодный, он шел и курил, еле заметно улыбаясь и в конце концов, как обычно это с ним бывало, он забылся. Как будто бы случайно купил две бутылки пива и забрел на территорию больницы, больше похожей на большой парк без развлечений. Севиюс уселся на скамейку прямо напротив реанимационного отделения. Казалось странным, но сейчас он готов был позавидовать людям, дышащим в трубку.

Глава 8

Настя

– Я же просила тебя не приходить сюда, здесь могут быть люди.

– Ну милая, ну кто тут может быть, ну что ты? И вообще врачи хоть и скрывают, но все же в них таится внутренний страх перед смертью, в такое время суток они больше интересуются своими теплыми женами или любовницами.

– От тебя водкой разит, опять напился, – Настя вырвалась из объятий своего крупногабаритного парня.

– Ты не любишь меня, – тоном начинающего философа сказал парень.

– Женя, прошу тебя, успокойся, не начинай этот разговор снова и не шуми, пожалуйста, нас могут услышать.

– В морге? – и Женя громко засмеялся.

Небольшая комната обложенная кафелем, в центре комнаты высился хирургический стол, провожающий путника уходящего в последний путь. Рядом поблескивал металлический столик на колесиках. На нем были разбросаны инструменты, позволяющие разрезать, искромсать и изучить внутренний мир этого путника.

– Если честно, мне и самому тут жутковато. Не представляю, как ты вообще работаешь в морге. На вид ты такая хрупкая, приятная, хорошенькая, а работаешь в морге.

– Ну, во-первых, не работаю, а прохожу практику, а во-вторых, в моих планах нет ничего такого, чтобы оставило меня тут работать.

– И тут появился я, да? Твоя большая любовь. Смысл жить, – самодовольно произнес Женя.

– К трупам я привыкла, – словно пропустив мимо ушей последнюю фразу Жени, задумчиво проговорила она, – да и работа тут несложная.

– Ну ничего себе, работа не сложная ночевать в морге. Я бы свихнулся.

– Не ругайся, пожалуйста.

За окном протяжно загудела машина, и послышались пьяные крики:

– Женя, Женя, ну Женя, …я.

– Иди, тебя друзья зовут.

– А снегу-то навалит за ночь, – проговорил мечтательно Женя.

– Навалит, навалит. Иди, тебя ждут.

– А что это ты меня выпроваживаешь?

– Не выпроваживаю.

– А почему ничего про снег не ответила?

– Не нужен мне этот снег сейчас, Жень, сам подумай, мне и без этого тут морозно.

– Ладно, ладно любимая, я удаляюсь, я позвоню позже.

Он подошел к Насте и поцеловал ее в губы.

– Все ладно, давай, я пошел, я люблю тебя! Пока.

– Я тоже, иди.

Через несколько минут его уже не было и у Насти осталось лишь запахшая формалином работа, и множество мыслей, с некоторыми из которых ей приходилось бороться, а с некоторыми мириться.

Она тихонечко подошла к окну, там за окном отъезжала машина с ее пьяной любовью. Через несколько секунд стало совсем тихо, только белый пух снега создавал какую-то пустую прелесть.

– Смешно, и действительно как это мне не страшно находиться наедине с мертвыми. – От этих мыслей ей действительно стало немного страшновато, и по телу пробежала дрожь.

В эти секунды раздался телефонный звонок и Настя медленно, устало и нехотя поплелась к источнику беспокойства.

– Алло.

– Алло, – прозвучал пьяный и тонюсенький женский голос. – Здравствуй Настенька, сегодня значит твое дежурство?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.